

Как только Гу Юаньбай вернулся на площадку, все успокоились.

Люди, тайно следившие за убийцами, передали Гу Юаньбаю сообщение о том, что группа убийц, посланная обществом А-Шэнь, уже ушла так быстро, как только могла, до закрытия городских ворот вчера, после того как поинтересовалась новостями в центре столицы.

Гу Юаньбай слушал новости, пока умывался, слабо улыбнулся и сказал:

— Новая группа людей из Департамента инспекции уже прибыла в районы Хунань и Цзяннань в Цзине.

Основная часть войск Общества А-Шэнь находилась в Хунань-Цзине, так как там было легко спрятаться из-за царившего там хаоса. Меньшая часть, с другой стороны, находилась в Цзяннани. В Цзиннани повстанческая армия просто растоптала бы их, но в богатой Цзяннани и с огромным количеством влиятельных людей, они боялись, что им придется выбирать между запугиванием и соблазнением.

Гу Юаньбай бросил платок в таз с водой и окинул взглядом окружающих его людей, даже Сюэ Юань не смог ни на секунду остановить свой взгляд.

Это была карта династии Дахэн, которую он только что повесил.

В левом нижнем углу карты находились южная часть реки Цзин-Хун и юг реки Янцзы.

Взгляд Гу Юаньбая был прикован к этому месту, он вздохнул и сказал:

— Наконец-то пора начинать.

Он уже давно присматривался к различным шахтам в Хунаньцзине.

Местность в провинции Хунань райская, с трех сторон окруженная горами, и только одна сторона открыта, прямо напротив Цзяннани.

На юге он граничит с южным Гуандуном, а слева - с восточным Гуандуном, оба из которых были местами ссылки для тяжелых преступников двора. Например, Фэн Чэнчжи, бывший императорский канцлер, был сослан в Гуан Дун Си.

Такое место представляло собой естественную опасность, и такая опасность была главной причиной того, что местные запутанные могущественные силы чувствовали, что император не может послать войска для их подавления.

Среди местных сильных мира сего в провинции Хунань клан Люй в Хуайнэне также занимал высокое место, но пять местных сильных мира сего, возглавляемых семьей Чэнь, были самыми большими.

Семья Чэнь была самой большой и занимала первое место. Они самые большие, первые. Их предки были чиновниками, и у них много связей с чиновниками, стоящими за ними.

Они убивали людей, брали под контроль правительство и самостоятельно собирали налоги, делая жизнь людей невыносимой из-за тяжелых налогов.

И со временем, по мере роста власти, в провинции Цзин провинции Хунань сформировался режим, возглавляемый семьей Чэнь.

И эти дворяне были наследием проступков Лу Фэна, когда он занимал пост императорского правителя.

Патриарха семьи Чэнь зовут Чэнь Цзиньинь. Он уже стар, и вся пронизательность его молодости сменилась жадностью. У него больше нет желания упорно трудиться, и он начал наслаждаться своим богатством. Ему наплевать на остальных членов семьи, но когда дело касается его шахт, это не вариант.

С возрастом он научился получать удовольствие от экстравагантности. Он использовал самый изысканный фарфор из официальных печей, а фрукты, которые он использовал, достигали севера до Юнзина и востока до двух провинций Чжэцзян - самые свежие фрукты в мире. Рис, который он ел, был хорошим рисом, а мясо, которое он ел, было самым нежным.

Экстравагантность отупила мышление Чэнь Цзиньина, а также всей семьи Чэнь. Если семья Чэнь была такой экстравагантной, кто же хотел быть хуже остальных сильных мира сего?

Люди на дне были еще более несчастны.

Когда Гу Юаньбай послал своих людей выследить людей общества А-Шэнь до Хунани и Цзяннани, он посадил в этих двух местах своих людей. В начале апреля он приказал своим людям замаскироваться под купцов и разыграть торговую войну в хунаньском регионе Цзин.

Торговая война была очень громкой, повторяя стратегию Гуань Чжуна, за исключением того, что деньги Гуань Чжуна на оленей были заменены деньгами на рудники.

Рудники были большим географическим преимуществом в провинции Хунань, и Гу Юаньбай быстро отправил своих людей, чтобы доставить голову на встречу в Кашин, которая также состоялась в апреле.

Это был весенний сев, и люди, выдававшие себя за купцов, по словам Юаньбая, оставались

здесь, на юге Цзин Хуэна, в течение двух месяцев. Они в полной мере выразили браваду купцов процветающего региона, заявив:

— Нам нужна только руда, любая руда, которую мы можем достать, как можно больше. Пока мы можем найти руду, потом мы сможем обменять ее на деньги.

Караван просил руду, распространяя деньги, и пока руда доставлялась немедленно, деньги выплачивались в одни руки, успешно заставляя крестьян провинции Хунань забыть о своих незасеянных полях и каждый день нести мотыги в горы, чтобы копать руду и находить шахты.

Эта история также достигла ушей местных властей имущих, возглавляемых семьей Чэнь, и они поступили еще более прямолинейно, прекратив работу всех своих слуг и арендаторов и отправив их в горы днем и ночью на поиски рудников, которые они затем продавали купцам Гу Юаньбаю.

Через два месяца, после весеннего сева, поля в провинции Хунань опустели, и караван Гу Юаньбая ушел. Людям приходилось продолжать добывать и продавать их проезжающим торговцам, и многие из них зарабатывали больше денег, чем могли бы заработать на земледелии.

А полмесяца назад жители провинции Хунань откопали золотую жилу!

Все жители Хунань, от богатых и влиятельных людей были взволнованы, а ежедневная добыча полезных ископаемых вызвала огромный энтузиазм. Золотая шахта по праву принадлежала семье Чэнь, и с этой золотой жилой Чэнь Цзиньинь был полностью потерян в шахте, а все его слуги и арендаторы были отправлены копать ее.

Когда люди увидели, что золото действительно добыто, руда была продана, так кто заботился о еде, они копали ради денег, а на деньги можно было купить еду?

Цзяннань - земля рыбы и риса, и рис, который они выращивают, сладкий и ароматный, поэтому они могут перевозить зерно в Хунань и открывать зерновые магазины, и они могут покупать его за деньги, и им не нужно обрабатывать свою собственную землю, а все остальное время тратить на рытье шахт, чтобы заработать деньги.

Поэтому до сих пор зерно в Хунане покупают за деньги. Они не успевали с весенним севом, а вся провинция Хунань была занята добычей полезных ископаемых, поэтому торговая война была настолько легкой и простой, что Гу Юаньбай взял инициативу в свои руки.

В этот день Чэнь Цзиньинь загорал и пил холодный чай у себя дома.

Потный младший сын подошел и сел, взяв кубик льда, который еще не успел растаять, и засунул его в рот.

Чэнь Цзиньинь сказал:

— Я никогда не видел людей, у которых есть золотые и серебряные горы, они хотят воспользоваться даже этими небольшими прибылями.

Младший сын рассмеялся:

— Мой сын так думает, просто подними его, мы же не можем себе этого позволить, - я думаю, это просто люди в Цзяннане завидуют нам и думают, что наша семья раскопала золотую жилу, поэтому они и подняли цену.

Сердце Чэнь Цзиньина уже было покрыто золотым светом золота, и он был слишком стар, чтобы думать о чем-то еще, поэтому, когда он услышал, что сказал его младший сын, он тоже так подумал и выругался:

— Люди в Цзяннане настолько бедны, что делают только эти маленькие хитрости! Они подняли цену, потому что думают, что мы будем покупать. У меня есть золотая жила, я могу есть, где хочу, а император не так хорош, как я. Разве мы не покупали хороший рис раньше? Сначала попробуй.

— Эй, - ответил младший сын, - мой сын сейчас пойдет и сделает это.

Но стоило ему встать и посмотреть на солнце, как младший сын на мгновение погрузился в транс, и перед ним вдруг возникла ужасная и абсурдная мысль.

Он повернул голову, чтобы посмотреть на Чэнь Цзиньина и нервно сказал:

— Отец, с этой золотой жилой в наших руках, императорский двор пошлет войска, чтобы сражаться с нами?

Это нелепое заявление заставило Чэнь Цзиньина смеяться так громко, что он даже разрыдался, и он смело сказал:

— Пусть приходит и сражается! Я посмотрю, что императорский двор пришлет, чтобы сразиться со мной! Я возглавляю правительство провинции Хунань, я император здешних земель, двор пошлет войска для борьбы? Он может послать их вместо себя.

Услышав его слова, младший сын тоже почувствовал, что он слишком много думал. Поэтому он поспешно вышел и отказался покупать у тех цзяннаньских купцов, которые намеренно завышали цену на зерно.

Так прошло полмесяца.

Уезд Нин Юань А-Шэн Хуэй.

Сюй Сюньюань разговаривал с Лю Янем, выражение его лица было интимным, и он явно очень доверял Лю Яню.

Чжао Чжоу спросил сбоку:

— Полмесяца назад семья Чэнь выкопала золотую жилу, и вся провинция Цзин Хунань с энтузиазмом принялась за добычу, брат Лю, почему ты помешал людям из Ассоциации Цзя Шэнь копать?

Лю Янь вздохнул:

— Почему брат Чжао еще не подумал об этом? Хотя золотые и серебряные рудники желанны для нас, но это провинция Цзин Хунань, и силы здесь очень хаотичны. Даже император не может ничего сделать с этими местными гигантами, поэтому нам, Обществу А-Шэнь, достаточно трудно оставаться незамеченными, но как мы можем удержать их больше, чем император? При таких обстоятельствах, даже если мы раскопаем золотую жилу, она все равно будет украдена семьей Чэнь.

Чжао Чжоу вынужден был признать, что слова Лю Яня были очень разумными.

Сюй Сюньюань тоже думал, что в этом есть смысл, но подразумеваемый смысл того, что он не может сравниться с императором в этом заявлении, все еще делал его очень несчастным. Его улыбка на лице Лю Яня также померкла:

— Эти магнаты действительно настолько могущественны? У них тоже есть солдаты и лошади?

Лю Янь естественно рассмеялся:

— У них нет солдат и лошадей, но их домашние слуги и арендаторы вместе составляют более двух-трех тысяч человек, и у них запутанные и неразрывные отношения с чиновниками, стоящими за ними, они просто запугивают людей и наживают большие состояния на силе своей власти.

Сюй Сюньюань был недоволен:

— Две тысячи домашних слуг, как они могут сравниться с пятью тысячами элитных солдат моего Сюй Сюньюаня!

Он не мог не подумать:

— Даже мелкий торговец может захватить золотой рудник, так не будет ли Сюй Сюньюаню легко захватить рудник со своими 5000 элитных солдат?

Чжао Чжоу, казалось, знал, о чем он думает, и слово в слово повторил то, о чем думал Сюй Сюньюань.

— Как такое может быть! - Лю Янь был удивлен, а затем остановился: — Все эти местные влиятельные люди связаны друг с другом, и если генерал попытается захватить золотую шахту, то все люди, связанные с семьей Чэнь, восстанут против него! Если чиновники узнают, где находится генерал, они могут послать войска, чтобы окружить нас, не говоря уже о том, что если мы будем действовать таким образом, не будет ли это то же самое, что и бандиты?

Сюй Сюньюань и Чжао Чжоу посмотрели друг на друга и подумали вместе:

— Этот Лю Янь хорош во всем, но он слишком педантичен.

Как это можно назвать грабежом? Даже если бы золотая жила действительно попала в руки, это было бы лишь сыновней почтительностью семьи Чэнь по отношению к ним.

Они пропустили эту тему, улыбаясь и успокаивая Лю Яня, но на самом деле в душе они уже задавались вопросом, стоит ли золотая шахта того, чтобы правительство рисковало ее разграбить.

Если бы только человек, посланный в столицу для убийства императора, преуспел. Сюй Сюньюань был полон преданности, думая, что если Будда действительно существует, то именно он, истинный дракон, должен быть благословлен, пусть люди в столице преуспеют в своем убийстве, и будет лучше, если собачий император сможет умереть таким образом.

Если собачий император будет мертв, у императорского двора не будет времени заботиться об Обществе А-Шэнь. У императора не было наследника, а эти кланы, Сюй Сюньюань не верил, что они не будут в хаосе.

И как только они это сделают, настанет время для него, истинного дракона, восстать.

В то время, не говоря уже о золотых рудниках семьи Чэнь, все золотые рудники в мире будут принадлежать ему!

Хахахахаха!

<http://bllate.org/book/15154/1338893>